

Рудольф Штайнер

Ступени высшего познания GA 12

Пер. с нем. И.И. Маханьков

Вступление

Путь к высшему познанию прослежен в книге «Как достигнуть познания высших миров?» вплоть до встречи с обоими Стражами Порога. Теперь следует изобразить еще и отношение души к различным мирам при ее последовательном прохождении по ступеням познания. Тем самым будет получено то, что можно назвать «Учением о познании тайной науки».

Пока человек не вступил на путь высшего познания, он знает только первую из *четырех* ступеней познания. Это та ступень, которая свойственна ему в обыкновенной жизни в чувственном мире. Также и в том, что по преимуществу называется «наукой», мы имеем дело только с этой первой ступенью познания. Ибо эта наука ведь только тоньше разрабатывает обыкновенное познание, делает его более упорядоченным. Она вооружает внешние чувства инструментами: микроскопом, телескопом и т. д., — чтобы *точнее* видеть то, чего не видят невооруженные внешние чувства. Но ступень познания остается все-таки той же — видим ли мы вещи простым глазом в их естественную величину или исследуем мельчайшие предметы и процессы через увеличительные стекла. Также и в применении мышления к вещам и фактам эта наука остается при том, что уже свершается в повседневной жизни. Предметы классифицируют, их описывают и сравнивают между собой, пытаются воспроизвести картину их изменений и т. д. Самый скрупулезный естествоиспытатель, в сущности, занят здесь не чем иным, как дальнейшим совершенствованием по всем правилам искусства способа наблюдения повседневной жизни. Его познание расширяет свой охват, усложняется и подчиняется законам логики; но он не переходит к иному *роду познаний*.

Эта *первая* ступень познания называется в тайной науке «материальным родом познания». За ним следуют далее *три* высших ступени. Затем к ним присоединяются еще и другие. Их следует здесь описать, прежде чем следовать дальше в изображении «пути познания». Приняв обыкновенное — и вместе с ним чувственно-научное — познание за первую ступень, мы должны на первых порах различать следующие четыре ступени.

1. Материальное познание.
2. Имагинативное познание.
3. Инспирированное познание, называемое также «волевым» — «willensartige».
4. Интуитивное познание.

В дальнейшем будут рассматриваться перечисленные ступени. Сначала надо уяснить, с чем имеем мы дело в этих различных родах познания.

При обыкновенном чувственном познании во внимание принимаются четыре элемента: 1) *предмет*, производящий впечатление на внешние чувства; 2) *образ*, который человек составляет себе об этом предмете; 3) *понятие*, благодаря которому человек приходит к духовному постижению вещи или процесса; 4) «Я», которое составляет образ и понятие на основе впечатления от предмета. Прежде чем человек составил себе образ - «представление», — предмет, побуждающий его к этому, уже существует. Человек не создает этого предмета, он его воспринимает. И благодаря этому предмету возникает *образ*. Пока мы смотрим на вещь, мы имеем дело с самой этой вещью. Отойдя от вещи, мы располагаем лишь *образом*. Предмет мы покидаем, образ остается, «задерживается» в

воспоминании. Но нельзя остановиться только на составлении «образов». Нужно перейти к «понятиям». Если мы хотим достичь ясности, безусловно необходимо различать «образ» и «понятие». Представим, что мы видим предмет, имеющий вид круга. Затем мы отворачиваемся и удерживаем *образ* круга в памяти. «Понятия» круга здесь у нас еще нет. Оно появляется лишь тогда, когда мы говорим себе: «Круг есть фигура, все точки которой равноудалены от центра». Только составив себе «понятие» о какой-нибудь вещи, мы приходим к ее пониманию. Существует много кругов: маленькие, большие, красные, синие и т. д.; но есть только *одно* понятие «круг». В дальнейшем обо всем этом будет сказано подробнее; пока что вкратце наметим лишь то, что необходимо для характеристики первых четырех ступеней познания. Четвертый момент, принимаемый во внимание при материальном познании, есть «Я». В нем реализуется единство образов и понятий. Это «Я» сохраняет образы в своей памяти. Не будь этого, непрерывной внутренней жизни не возникало бы. Образы вещей сохраняются, лишь пока сами эти вещи действуют на душу. Но внутренняя жизнь зависит от того, что восприятие следует за восприятием. «Сегодня» «Я» как-то ориентируется в мире, потому что в связи с определенными предметами в нем заявляют о себе образы таких же предметов из его «вчера». Душевная жизнь была бы абсолютно невозможна, если бы располагала образом вещи, лишь пока сама эта вещь перед нами. «Я» выстраивает единство также и по отношению к понятиям. Оно связует свои понятия и таким образом создает себе общее воззрение, то есть понимание мира. Эта связь понятий происходит в «суждениях». Существо, обладающее лишь бессвязными понятиями, не могло бы ориентироваться в мире. Вся деятельность человека основывается на его способности связывать понятия, то есть на его «суждениях».

«Материальное познание» стоит на том, что через свои внешние чувства человек получает впечатления от вещей и представлений внешнего мира. Он обладает способностью ощущать, или «чувствительностью». Получаемое «извне» впечатление называется также *ощущением*. Поэтому при «материальном познании» в соображение принимаются четыре элемента: ощущение, образ, понятие, «Я». На следующей, более высокой ступени познания впечатление внешних чувств, «ощущение», отпадает. Внешнего чувственного предмета больше нет. Таким образом, из элементов, привычных человеку при обыкновенном познании, остаются только три: образ, понятие и «Я».

Если нет внешнего чувственного предмета, обыкновенное познание не создает у здорового человека ни образа, ни понятия. «Я» остается здесь бездеятельным. Кто создает образы, которым должны соответствовать чувственные предметы, когда в действительности их нет, тот живет в фантастике. Но ученик тайного знания приобретает способность создавать образы даже тогда, когда никаких чувственных предметов не существует. Место «внешнего предмета» у него должен занять другой. Он должен быть в состоянии располагать образами, хотя бы даже никакой внешний предмет не затрагивал его чувства. На место «ощущения» должно заступить нечто другое. Это *имагинация*. На этой ступени у ученика тайного знания образы появляются совершенно так же, как если бы на него воздействовал какой-нибудь чувственный предмет; они столь же жизненны и достоверны, как и образы чувственные, только происходят не от «материального», а от «душевного» и «духовного». При этом внешние чувства остаются в полном бездействии. Ясно, что способность получать *полновесные образы* без чувственных впечатлений надо еще приобрести. Это происходит через медитацию, через упражнения, описанные в книге «Как достигнуть познания высших миров?». Человек, ограниченный чувственным миром, живет исключительно в круге образов, которые нашли к нему доступ лишь через внешние чувства. Имагинативный человек обладает таким миром образов, который питается из высшего мира. Необходима тщательная подготовка, чтобы в этом высшем мире образов различать заблуждение от действительности. Когда такие образы начинают вставать перед душой, человек слишком уж легко говорит себе: «Ах, это только воображение, сплошь порождения моей жизни в представлениях». Это очень даже понятно. Ибо человек привык

называть «действительным» прежде всего лишь то, что без всякого содействия с его стороны дано ему благодаря прочной основе его чувственного восприятия. И ему следует еще свыкнуться с тем, чтобы принимать как «действительное» вещи, повод для которых является ему с совершенно другой стороны. И никакие меры предосторожности не будут здесь излишними, если не хочет стать фантазером. Решение относительно того, что из высшей области «действительно», а что только «иллюзия», может исходить лишь от *опыта*. И опыт этот приобретается в ходе мирной, исполненной терпения внутренней жизни. Прежде всего следует быть готовым к тому, что «иллюзия» играет с нами злые шутки. Везде нас подстерегает возможность появления образов, которые основываются лишь на обмане внешних чувств, на имеющих место в жизни отклонениях от нормы. Прежде всего все такие возможности следует устранить. В первую очередь нужно полностью перекрыть источники фантастического, и лишь тогда можно подойти к *имагинации*. И когда мы достигли этого, становится совершенно ясно, что мир, в который вступаешь таким образом, не только столь же действителен, как мир чувственный, но *куда более действительный*.

На *третьей* ступени познания отпадают и образы. Теперь человек имеет дело только с «понятием» и «Я». Если на второй ступени его еще окружает мир образов, напоминающий ему моменты, когда живая память как по волшебству вызывает перед душой впечатления внешнего мира при отсутствии самих этих впечатлений, на третьей ступени не существует уже и таких образов. Человек всецело живет в чисто духовном мире. Кто привык держаться за одни внешние чувства, впадет в соблазн думать, что мир этот блекл и эфемерен. Но он совершенно не таков. Мир образов второй ступени также несколько не бледный и не призрачный. Ведь такими по большей части являются образы, хранящиеся в памяти, когда самих внешних вещей уже нет. Но образам имагинации свойственны такая яркость и содержательность, что в сравнение с ними не идут не только призрачные воспоминания — образы чувственного мира, но даже и весь этот пестрый, динамичный чувственный мир. В сравнении с царством имагинации и он всего лишь тень. А мир третьей ступени познания! Ничто в чувственном мире не в состоянии дать представление о его богатстве и полноте. То, чем было для первой ступени ощущение, для второй — имагинация, то для третьей ступени *инспирация*. Инспирация дает впечатления, а «Я» составляет понятия. Если непременно хочется сравнить с этим миром что-нибудь из чувственного мира, для такого сравнения годится только мир звуков, мир слышания. Но не тех звуков, с которыми имеешь дело в чувственной музыке, а чисто «духовных звуков». Ты начинаешь «слышать», что происходит внутри вещей. Камень, растение и т. д. становятся «духовными глаголами». Мир действительно начинает сам высказывать душе свою сущность. Звучит неправдоподобно, но буквально верно: на этой ступени познания «слышишь *духовно*, как растет трава». Форму кристалла воспринимаешь как звук; раскрывающийся цветок «разговаривает» с человеком. *Инспирированный* способен возвещать внутреннюю суть вещей; все вещи заново оживают перед его душой. Он говорит на языке, происходящем из иного мира, но который, однако, только и делает повседневный мир понятным.

Наконец, на *четвертой ступени познания* умолкает также и инспирация. Из моментов, которые мы привыкли рассматривать в повседневном познании, принимается в расчет только «Я». Вполне определенный внутренний опыт говорит постигающему тайное знание ученику, что он поднялся до этой ступени. Этот опыт выражается в том, что у ученика возникает чувство: теперь он находится не *вне* вещей и процессов, но *внутри* их. Образы не предмет; они лишь *выражают* его. Не предмет также и то, что дает инспирация. Она только *высказывает* его. Но то, что живет теперь в душе, есть действительно сам предмет. «Я» излилось во все существа и слилось с ними. *Жизнь* вещей в душе — это и есть *интуиция*. Когда об интуиции говорят, что через нее ты погружаешься во все вещи, это следует понимать совершенно буквально. В обыкновенной жизни у

человека имеется лишь *одна* интуиция — это интуиция самого «Я». Ибо «Я» никак невозможно воспринять извне, его можно пережить лишь внутри. Простое умозаключение может это пояснить. Впрочем, психологи не напевают на него в достаточной мере. А каким бы невзрачным оно ни представлялось, для того, кто его вполне усвоил, оно влечет самые значительные последствия. Умозаключение это следующее: всякая вещь окружающего мира может быть названа всеми людьми одним и тем же именем. Все назовут стол «столом», тюльпан — «тюльпаном», господина Мюллера — «господином Мюллером». Но имеется слово, которое каждый может применить только к самому себе. Это слово «Я». Никто другой не может мне сказать «Я», для каждого другого я — это «ты». Точно также и каждый другой будет для меня «ты». Только он сам может сказать себе «Я». Это связано с тем, что ты пребываешь *в* «Я», а не *вне* «Я». Так что во всех вещах ты живешь через *интуитивное* познание. Восприятие собственного «Я» есть прообраз всякого интуитивного познания. Но, чтобы так войти в вещи, нужно, разумеется, сначала выйти из самого себя. Надо сделаться «самоотверженным», чтобы слиться с «самостью», с «Я» другого существа.

Медитация и концентрация — верные средства, чтобы подняться к этой ступени, равно как и к предыдущим. Конечно, их следует исполнять спокойно и терпеливо. И заблуждается тот, кто думает, что он может подняться к высшим мирам напролом, насильственными средствами. Такой же иллюзии предается тот, кто ожидает, что в высших областях действительность предстанет ему в совершенно таком же виде, как и в чувственном мире. Миры, к которым восходишь, столь же яркие и богаты, сколь тонки и нежны, между тем как чувственный мир плотен и груб. Самое важное, чему необходимо научиться, это как раз называть «реальным» нечто совершенно иное, чем то, что обозначаешь так в области внешних чувств. А это совсем не легко. Потому-то многие из тех, кто с такой охотой выступает на тайный путь, устрашаются с первых же шагов. Они-то ожидали, что столкнутся с вещами, подобными столам и стульям, а находят «духов». Но, поскольку «духи» не такие плотные, как столы и стулья, они представляются им «фантазией». Виной этому обычная непривычка. Вначале следует обрести верное восприятие духовного мира, и тогда ты будешь не только созерцать духовное, но и его *признавать*. И значительная тайна школы связана с этим правильным признанием и оценкой духовного.

Если мы желаем понять имагинативное познание, прежде всего следует рассмотреть состояние сна. Пока человек не достиг какой-то высшей, нежели *материальное* познание, ступени, душа хоть и живет во время сна, однако ничего не может *воспринимать* в том мире, в котором живет во сне. Она пребывает в этом мире, все равно как лишенный зрения — в материальном мире. Слепой живет в мире света и цвета, но их не воспринимает. Во сне душа обособилась от внешних органов чувств, от глаз, ушей, от обычной деятельности мозга и т. д. Через чувства душа не получает никаких впечатлений. И что же она делает во сне? Нужно отчетливо себе уяснить, что при бодрствовании душа пребывает в непрерывной деятельности. Она получает чувственные впечатления извне и их перерабатывает: это ее деятельность. Во сне она ее прекращает. Но она отнюдь не остается бездеятельной. Во сне она работает над телом. Ведь во время дневной работы при бодрствовании тело изнашивается. Это сказывается в усталости. И во время сна душа занимается собственным телом, чтобы опять сделать его способным к дальнейшей дневной работе при бодрствовании. Отсюда видно, как важен правильный сон для благополучия тела. Человек, который не спит как следует, не дает своей душе совершить над телом надлежащую корректировку. Вследствие этого тело неизбежно изнемогает. Энергии, посредством которых душа трудится над телом во сне, те же самые, которыми она оперирует и в бодрствующем состоянии. Единственно, что при бодрствовании они используются для восприятия впечатлений от внешних чувств и их переработки.

И вот когда человек обретает имагинативное познание, часть энергий, применяемых

во время сна к телу, должна быть использована иначе. Теперь эти энергии создают духовные органы чувств, которые дают душе возможность не только жить в высшем мире, но и воспринимать здесь. Так что во сне душа работает над собой, а уже не исключительно только над своим телом. Эта работа осуществляется через медитацию и концентрацию, а также через другие упражнения. В этих заметках уже неоднократно говорилось о высшем познании, что особые указания относительно таких упражнений могут быть переданы лишь напрямую, от человека к человеку. Никому не следует приниматься за них самостоятельно, потому что только тот, кто располагает опытом в этой области, может оценить, какие результаты могут последовать у того или иного человека, в связи с тем что он приступит к отвлечению деятельности своей души от тела и ее более возвышенному применению.

Медитация, концентрация и другие упражнения приводят к тому, что душа на время обособляется от связи с органами внешних чувств. И тогда она погружается в себя. Ее деятельность обращена внутрь. Впрочем, в начале такого погружения эта ее внутренняя деятельность не слишком отличается от повседневной. В ходе внутренней работы ей приходится пользоваться теми же представлениями, чувствами и ощущениями, что и в обыкновенной жизни. Но чем больше она привыкает быть, так сказать, «слепой и глухой» по отношению к чувственному окружению, чем больше она живет в себе, тем значительнее оказываются ее внутренние достижения. И то, чего она достигает при погружении во внутреннее, приносит плоды прежде всего в состоянии сна. Когда ночью душа освобождена от тела, в ней продолжает свое действие то, что было вызвано дневными упражнениями. В ней возникают органы, посредством которых она вступает в связь с высшим окружением совершенно так же, как прежде при помощи внешних органов чувств — с окружающим телесным миром. Из темноты ночного окружающего выступают световые явления высшего мира. Поначалу для этого общения характерны деликатность и задушевность. И человеку непременно приходится считаться с тем, что на протяжении долгого времени дневной свет при пробуждении будет тут же задерживать ночные переживания плотной пеленой. *Воспоминание* о воспринятом ночью приходит лишь очень медленно и постепенно. Ибо ученику не так-то просто принимать во внимание нежные образования собственной души, которые по ходу его развития добавляются к грубым переживаниям повседневной чувственной жизни. На первых порах такие переживания кажутся ему тем, что принято именовать «случайные впечатления». Все дело в том, чтобы он научился различать то, чем обязан обыкновенному миру, от того, что возвещает о себе через его собственное существо как весть от высших миров. Способность к такому различению он должен выработать в ходе безмятежной, обращенной внутрь себя жизни души. Необходимо, чтобы первым делом он обрел чувство того, каковы ценность и значение тех глубинных душевных структур, которые примешиваются в дневную жизнь как «случайные озарения», но которые, однако, являются воспоминаниями о ночном общении в высшем мире. Стоит только как-то грубо притронуться к этим вещам и применить к ним масштаб чувственной жизни, как они рассеиваются без следа.

Из сказанного следует, что, трудясь в высшем мире, душе приходится лишиться тело части своей обычной заботы. В некотором отношении она предоставляет его самому себе. Ему необходимо как-то компенсировать то, что душа делала для него прежде. Без такой компенсации ему грозит опасность со стороны губительных сил. Ведь нужно давать себе ясный отчет в том, что человек постоянно подвержен влияниям окружения. Ведь и живет-то он лишь благодаря воздействиям этого окружения. Прежде всего мы наталкиваемся в этом окружении на царства зримой природы. Человек принадлежит к этой зримой природе. Он не мог бы жить, не существуй вокруг него минеральное, растительное и животное царства, а также мир других людей. Представим, что человека изъяли с Земли и поместили в космическое пространство: как материальный человек он должен был бы тотчас погибнуть, как сохнет рука, отделенная от тела. Как было бы огромной иллюзией, полагай

человеческая рука, что может жить без тела, столь же громадным заблуждением было бы и утверждение человека, что он как материальное существо может существовать без минерального, растительного и животного царств и без других людей. Но кроме названных царств существует еще три других, обычно ускользающих от внимания человека. Это три элементарных царства. В известном отношении они находятся ниже минерального царства. Есть существа, не достигшие плотности минералов, но тем не менее существующие и оказывающие влияние на человека. (См., что сказано об этих элементарных царствах в статье «Из Хроники Акаши»*, а также замечания относительно них в моей «Теософии».) Таким образом, человек подвержен влияниям и таких царств природы, которые в известном отношении следует назвать невидимыми. И вот, когда душа трудится над телом, существенная часть ее деятельности состоит в такой регулировке воздействий элементарных царств, чтобы они были благотворны для человека. Но, когда душа отчасти лишает тело своей деятельности, им могут завладеть губительные силы из элементарных царств. В этом опасность высшего развития. Поэтому нужно заботиться, чтобы тело, как скоро душа от него отступила, было само по себе доступно лишь благим влияниям со стороны элементарного мира. Если внимания на это не обращают, обыкновенный человек, в известном отношении, опускается телесно и морально, даже при том, что приобретает доступ к высшим мирам. В то время как душа живет в высших мирах, вредные силы свили себе гнездо в плотном материальном и эфирном теле. Вот почему определенные дурные свойства, прежде начала высшего развития находившиеся под контролем благодаря уравнивающему действию души, могут заявить о себе при недостаточной осторожности. Люди, бывшие прежде добрыми и нравственными, в подобных обстоятельствах, подходя к высшим мирам, могут проявить всевозможные низменные склонности, усиленное себялюбие, лживость, мстительность, гневливость и т. д., и т. д. Это никого не должно отвращать от восхождения к высшим мирам; но нужно заранее позаботиться о том, чтобы подобные вещи не происходили. Низшую природу человека следует укрепить и сделать недоступной для опасных элементарных влияний. Это-то и достигается сознательной выработкой известных добродетелей. Добродетели эти перечислены в руководствах, трактующих духовное развитие. Вот причина того, почему на них следует сделать упор. Добродетели эти следующие.

Прежде всего человек должен совершенно сознательно учиться обращать внимание на то, чтобы во всех вещах отделять пребывающее, непреходящее от преходящего, и направлять свое внимание на первое. В каждой вещи и в каждом существе человек может предполагать или познавать нечто, что останется, когда преходящее явление исчезнет. Глядя на растение, вначале я могу рассмотреть его так, как оно дано чувствам. Конечно, этого не следует упускать из виду. И мы не откроем в вещах вечного, если вначале как следует не ознакомимся с преходящим. Кто постоянно обеспокоен тем, как бы человек, направляющий взор на духовно-непреходящее, не лишился «свежести и естественности жизни», не имеет понятия, о чем здесь собственно речь. Но, когда я смотрю на растение так, как было сказано, я могу уяснить, что в нем присутствует непреходящая жизненная сила, которая вновь проявится в другом растении, когда данное давно превратится в прах. Такую позицию по отношению к вещам надо принять в свой душевный строй и сделать его частью. Далее следует обращать свое сердце ко всему ценному и положительному и научиться ценить его выше, чем преходящее и лишнее значения. Во всех своих восприятиях и поступках нужно помнить о ценности, которой обладает нечто в цельном контексте. В-третьих, нужно выработать в себе *шесть* качеств: господство над миром мыслей, контроль за поступками, выносливость, непредвзятость, доверие к окружающему

* На русском языке выходила под названием «Из летописи мира» в 1914 г. в издательстве «Духовное знание» и в 1992 году в издательстве «Духовное познание».

миру и внутреннее равновесие. Господства над миром мыслей достигаешь, когда прилагаешь усилия к тому, чтобы противодействовать блужданию мыслей и восприятий, постоянно пульсирующих у обыкновенного человека. В повседневной жизни человек не властен в своих мыслях: это они ведут его за собой. Конечно, это и не может быть иначе. Ибо жизнь подстегивает человека. И он как деятель вынужден отдалиться этому понуканию со стороны жизни. В *обыкновенной* жизни и не может быть иначе. Но если ты желаешь взойти в высший мир, то должен выделить хотя бы короткий промежуток времени, в который станешь господином мира собственных мыслей и восприятий. Здесь ты исходя из полной внутренней свободы ставишь в центр своей души одну какую-нибудь мысль, тогда как обыкновенно представления навязываются нам извне. Затем стараешься отстраниться от всех наплывающих на тебя мыслей и чувств, связывая с первой мыслью лишь то, что сам пожелал с ней соотнести. Такое упражнение благотворно действует на душу, а через нее — и на тело. Оно приводит тело в такое гармоничное состояние, что оно делается неподверженным вредным влияниям, даже если душа не действует на него непосредственно. Контроль за поступками заключается в подобном же их регулировании исходя из внутренней свободы. Хорошо начать с того, что предписываешь себе регулярно делать что-то такое, чего обыденная жизнь не принудила бы делать. Ведь в обыденной жизни человек понуждается к действиям извне. Но даже самое пустяшное дело, предпринятое по собственной инициативе, оказывает большее воздействие в указанном направлении, чем все, к чему понуждает внешняя жизнь. Выносливость — это воздержание от того настроения, которое можно было бы назвать переменаами «от бурных восторгов к смертной тоске». Многоразличные настроения рвут человека на части. Удовольствие его веселит, боль удручает. Это вполне оправданно. Но тот, кто ищет пути к высшему познанию, должен уметь умерять себя и в радости, и в горе. Он должен стать «выносливым». Он должен уметь сдержанно предаваться как впечатлениям, возбуждающим радость, так и переживаниям, доставляющим боль, и всегда проходить через то и другое с достоинством. Ничему не давать себя одолеть, вывести из равновесия. Это не ведет к бесчувственности, но превращает человека в прочную точку опоры среди жизненных волн, постоянно вздымающихся и опускающихся вокруг. Он всегда владеет собой.

Особенно важное свойство — «чутье на положительное». Его может развить в себе тот, кто во всех вещах направляет внимание прежде всего на благие, прекрасные и целесообразные качества, а не на то, что достойно порицания, не на все безобразное и полное противоречий. В персидской поэзии имеется прекрасная легенда о Христе, наглядно поясняющая то, что подразумевает это свойство. При дороге лежит мертвая собака. Среди проходящих мимо — Христос. Все отворачиваются от безобразного зрелища, и только Христос говорит восхищенно: «Какие прекрасные у нее зубы!». Вот так и испытывать, воспринимать вещи: во всем, даже самом отвратительном, тот, кто серьезно ищет, может отыскать нечто, заслуживающее признания. И плодотворное в вещах — это не то, в чем у них недостача, а то, что в них есть. Важно затем развить свойство «непредвзятости». Ведь всякий человек располагает определенным опытом и на его основании составил себе известную сумму мнений, которые и становятся для него жизненным мериллом правилом. Насколько естественно, с одной стороны, руководствоваться своим опытом, настолько же важно, с другой стороны, для того, кто хочет подняться в духовном развитии к высшему познанию, всегда сохранять свой взор открытым для всего нового, пока неведомого, что встречается ему на пути. Он будет максимально осторожен, прежде чем скажет: «это невозможно», «этого не может быть». Что бы ни говорило ему его мнение сообразно прежнему опыту, он в каждый момент готов прийти к другому мнению на основании чего-то нового, с чем пришлось столкнуться. Всякий эгоизм в том, что касается мнения, должен исчезнуть. Когда душа обрела названные пять качеств, совершенно само собой появляется шестое: внутреннее

равновесие, гармония духовных энергий. Человек должен отыскать в себе нечто вроде духовного центра тяжести, дающего ему устойчивость и уверенность в отношении всего, что тянет его в жизни туда и сюда. Это не значит, что надо избегать сопричастности всему, заслоняться от действия на себя со всех сторон. Но верным будет не бегство от увлекающих в разные стороны фактов жизни, а напротив, полная отдача себя жизни и, *несмотря на это*, неколебимое, уверенное сохранение внутреннего равновесия и гармонии.

Наконец, для ищущего важно принять в соображение «волю к свободе». Ею обладает тот, кто находит опору и основание для всего, что он совершает, в самом себе. Достигнуть ее так трудно, потому что необходимо добиться тонкого равновесия между открытостью чувств навстречу всему великому и доброму, с одной стороны, и одновременным отвержением всякого принуждения — с другой. Как легко говорится: воздействие извне и свобода несовместимы. Но в том-то все и дело, чтобы они совмещались в душе. Когда кто-нибудь сообщает мне что-либо и я принимаю это под давлением его авторитета, я *несвободен*. Но я не менее несвободен и в том случае, когда замыкаюсь от того доброго, что мог бы в противном случае получить. Ибо тогда на меня оказывает давление все худшее в моей душе. И что до свободы, дело не только в том, чтобы я не находился под принуждением внешнего авторитета, но прежде всего в том, чтобы не было принуждения со стороны давлением тех самых собственных предрассудков, мнений, восприятий и чувств. Правильной будет не слепая покорность воспринимаемой действительности, но дать ей выступить в качестве *толчка*, взглянуть на нее совершенно непредвзято, чтобы «свободно» к ней присоединиться. Чужой авторитет должен воздействовать именно таким образом, чтобы ты сказал себе: я освобождаю себя как раз тем, что следую благу в нем, то есть делаю его своим. И авторитет, опирающийся на тайную науку, не желает воздействовать как-то иначе. Он *дает* то, что может дать, не затем, чтобы обрести *власть* над одаряемым, но лишь чтобы через этот дар одаряемый стал богаче и свободнее.

Значение указанных свойств было отмечено уже прежде при описании «цветов лотоса». Там было показано, какое они имеют отношение к развитию двенадцатилепесткового цветка лотоса в области сердца и к примыкающим к нему токам эфирного тела. Из сказанного теперь видно, что задача их состоит главным образом в том, чтобы дать возможность физическому телу ищущего обходиться без тех сил, которые обычно помогают ему во время сна и которые должны быть у него отняты ради развития. Среди таких воздействий развивается *имагинативное познание*.

Имагинация

Совершенно невозможен какой-либо успех в смысле проникновения в высшие миры без прохождения ступени *имагинативного* познания. Конечно, это вовсе не означает, что при посвящении в тайное учение человек обязательно должен какое-то время пребывать на этой ступени имагинации — словно это что-то вроде школьного класса, в котором необходимо отсидеть. В известных случаях такая необходимость возникнуть может, но никакой обязательности здесь нет. Все зависит от того, что пережил посвящаемый в тайное учение, прежде чем вступить на этот путь. Из дальнейших рассуждений выяснится, что здесь имеет значение духовная среда посвящаемого, и в зависимости от его отношения с духовной средой выбираются совершенно разные методы «познавательного пути».

Когда встаешь на путь посвящения в тайное учение, чрезвычайно важно знать следующее. И это важно иметь в виду не только в качестве любопытной теории, но чего-то такого, откуда можно почерпнуть самые разнообразные практические точки зрения, если хочешь действительно устоять на «пути к высшему познанию».

От людей, стремящихся к высшему развитию, нередко слышишь: «Я бы хотел совершенствоваться духовно, мне хотелось бы развить в себе «высшего человека», к явлениям же «астрального мира» я не испытываю ни малейшего влечения». Это и понятно,

учитывая те описания «астрального мира», что встречаются в книгах, трактующих эти вещи. Ведь там говорится о явлениях и существах, навлекающих на человека всевозможные опасности. Говорится, что под влиянием таких существ человек может запросто причинить себе вред как в нравственном, так и в интеллектуальном отношении. Здесь читатель узнает, в этой области грань между «путем блага и путем скверны» не толще «паутинки», так что слишком возможно падение в бездонную пропасть, низвержение в полную безнравственность. Разумеется, просто отрицать это нет никакой возможности. И все же совершенно неверна позиция, которую зачастую занимают люди по поводу вступления на тайный путь. Единственно возможная точка зрения, скорее, только та, что говорит: эти опасности никого не должны удерживать от вступления на путь к высшему познанию, но всякий раз нужно тщательнейше позаботиться о том, чтобы эти опасности были преодолены. Впрочем, во многих случаях это ведет к тому, что человеку, который просит у тайноучителя наставлений в обучении, первым делом дается совет *подождать* с самим обучением, а вначале обрести определенный опыт в обыкновенной жизни или изучить вещи, которые можно изучить в материальном мире. Тогда задача тайноучителя сведется к тому, чтобы дать ищущему надлежащие указания, дабы он мог приобрести этот опыт и изучить такие вещи. В громадном большинстве случаев так и случается, что тайноучитель поступает именно так. И если только ученик проявит достаточно внимания к тому, что будет с ним происходить после установления связи с тайноучителем, он сможет заметить весьма разнообразные вещи. Он обнаружит, что теперь он как бы «случайно» испытывает такие переживания и может наблюдать такие вещи, которые несомненно не возникли бы на его пути без связи с тайноучителем. И если ученики часто этого не замечают и проявляют нетерпение, это происходит лишь оттого, что они как раз не обращают должного внимания на свои переживания. Не следует полагать, что влияние тайноучителя на ученика проявляется в отчетливо воспринимаемых «фокусах». Скорее, это влияние представляет собой что-то совсем интимное, и кто хочет исследовать его природу и сущность, сам еще не достигнув известной ступени в тайном обучении, тот, разумеется, будет впадать в ошибку. Ученик всегда несправедлив к себе, когда проявляет нетерпение, оттого что ему назначили «испытательный срок». От этого скорость прохождения им пути вовсе не замедляется. Напротив, его продвижение вперед только бы замедлилось, приступи он к зачастую нетерпеливо ожидаемому обучению слишком рано.

Если же ученик дает «испытательному сроку» или иным советам и намекам тайноучителя оказать надлежащее воздействие, он действительно подготовится к тому, чтобы выдержать известные испытания и опасности, с которыми столкнется, когда приступит к неизбежной для него ступени имажинации. А неизбежна эта ступень, потому что каждый, кто ищет соединения с высшим миром без ее прохождения, может делать это лишь бессознательно и потому осужден блуждать впотьмах. Можно и без имажинации обрести смутное ощущение этого высшего мира, как, разумеется, можно и без нее прийти к ощущению, что ты соединился со «своим Богом» или со «своим высшим Я», но действительного познания в полном сознании при отчетливой, просветленной ясности так не достигнешь. И потому все разговоры о том, что незачем разбираться в «низших мирах» (астральном и деваханическом) и что важно лишь, чтобы человек «пробудил в себе Бога», — всего только иллюзия. Не надо вмешиваться в устремления того, кто довольствуется этим, да оккультист и не станет в них вступать. Но истинный оккультизм не имеет с таким стремлением ничего общего. Ведь к ученичеству он никого непосредственно не призывает. В том же, кто *ищет* обучения, он хочет пробудить не просто смутное чувство «богоподобия», но старается раскрыть его духовные глаза на то, что на самом деле имеется в высших мирах.

Конечно, в каждом человеке присутствует «божественное Я». Но ведь то же верно и применительно ко всякому существу. В камне, в растении, в животном тоже содержится

деятельное «божественное Я». Дело ведь не в том, чтобы чувствовать и знать это в общем, но в том, чтобы действительно установить связь с *откровениями* этого «божественного Я». Как ничего не знает о материальном мире тот, кто может лишь утверждать себе: этот мир содержит сокровище в себе «божественное Я», точно так же ничего не знает о высших мирах тот, кто ищет «божественное царство духов» лишь в расплывчатой, неопределенной общности. Нужно раскрыть глаза и *созерцать* откровение божества в вещах материального мира, в камне, в растении, а не грезить о том, что все это только «явления», а истинный образ Бога «скрыт» за ними. Нет, Бог открывается в своих творениях, и кто хочет познать Бога, должен научиться познавать сущность этих творений. Поэтому, если хочешь познать «божественное», нужно действительно научиться созерцать то, что происходит и живет в высших мирах. Сознание того, что в тебе живет «Богочеловек», может служить не более, чем началом. Однако это начало, если оно переживается правильным образом, становится побуждением к тому, чтобы действительно подняться в высшие миры. Но возможно это, лишь после того как сформируешь в себе духовные «органы чувств». Все прочее сводится исключительно к желанию остаться таким, какой ты есть, и достигнуть лишь того, что достижимо и так. Точка зрения оккультизма, напротив, такова: следует стать другим человеком, чтобы быть способным созерцать и переживать иное, чем обычно.

И как раз *для этого* необходимо пройти через *имагинативное* познание. Выше было сказано, что эту ступень имагинации не следует воспринимать как класс в школе, в котором непременно нужно «отсидеть». Понимать это надо так, что как раз в нашей современной жизни попадают личности, уже несущие в себе предпосылки к тому, что одновременно с имагинативным познанием (или, по крайней мере, *почти* одновременно) тайноучитель может вызвать у них познание инспиративное и интуитивное. Но это никоим образом не следует понимать так, словно можно представить кого-то, кого можно было бы освободить от прохождения через имагинацию.

О том, откуда возникает опасность при имагинативном познании, уже было сказано в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?». Она возникает в связи с тем, что при вступлении в этот мир человек некоторым образом теряет почву под ногами. То, благодаря чему он сохранял устойчивость в материальном мире, сначала им, как кажется, совершенно утрачивается. Воспринимая что-нибудь в этом материальном мире, задаешься вопросом: откуда это восприятие происходит? Большей частью это происходит бессознательно. И все же и на «бессознательном» уровне нам ясно, что причиной восприятий являются предметы «в пространстве вне нас». Цвета, звуки, запахи исходят от этих предметов. Не приходится наблюдать свободно парящих цветов, слышать звуков, не сознавая при этом к каким именно предметам относятся эти цвета, каковы их свойства, от каких предметов исходят звуки. Это сознание, что их причиной являются предметы и существа, дает материальным восприятиям и вместе с тем и самому человеку устойчивость и твердую основу. Если у кого-то возникают восприятия без внешней причины, заговаривают о аномальных, болезненных состояниях. Такие беспричинные восприятия именуют иллюзиями, галлюцинациями, видениями.

Так вот, если смотреть на имагинативный мир со стороны, весь он поначалу представляется состоящим из таких галлюцинаций, видений и иллюзий. На стр. 68 книги «Как достигнуть познания высших миров?» (стр. 45 в русском переводе Фил., Антр. Изд., Дорнах, 1928) было показано, как через посвящение в тайную науку такие видения и пр. вызываются искусственно. Направляя сознание на зерно или на умирающее растение, мы вызываем в душе известные образы, которые поначалу не более, чем галлюцинации. «Пламенное образование», о котором там говорится, что оно может возникнуть в душе при наблюдении растения или чего-то подобного, а через некоторое время совершенно отделяется от растения, постороннему взгляду также представляется галлюцинацией. И то же самое, когда вступаешь в имагинативный мир, имеет место при посвящении в тайную

науку и дальше. То, что, как ты привык, исходит от вещей «в пространстве вне нас» или прилагается к ним как свойства, то есть цвета, звуки, запахи и т. д., теперь наполняет пространство, свободно в нем витая. Восприятия отделяются от всех внешних вещей и свободно висят в пространстве или парят в нем. Но при этом тебе совершенно определенно известно, что вещи, которые находятся перед тобой, не порождали этих восприятий, а их причина — скорее, ты сам. Так вот и получается, что ты неизбежно приходишь к выводу, что «утратил под ногами почву». В обыкновенной жизни в материальном мире надо остерегаться иметь как раз такие представления, что не происходят от вещей и которые, так сказать, «лишены почвы». Но чтобы вызвать к жизни имагинативное познание, дело в том-то и заключается, чтобы первым делом обрести краски, звуки, запахи и т. д., «свободно парящие в воздухе» в полной обособленности от всех вещей.

Но следующей ступенью имагинативного познания должно стать приискание новой «почвы» для ставших безродными представлений. Это-то как раз и должно произойти в другом мире, откровение которого должно свершиться теперь. Этими представлениями завладевают новые вещи и существа. Так, например, в материальном мире синий цвет «связан» с васильком. В мире имагинативном он также не может продолжать «свободное парение». Он как бы *притекает* к некоему существу, и прежде безродный, отныне он является выражением этого существа. Через него наблюдатель узнает нечто такое, что может быть им воспринято лишь в имагинативном мире. Таким образом, «парящие свободно» представления группируются вокруг определенных центров. Ты замечаешь, что через них существа говорят с нами. И подобно тому, как в материальном мире имеются телесные вещи и сущности, к которым «прицеплены» цвета, запахи и звуки или от которых они происходят, так теперь через них выражают себя «духовные существа». Фактически эти «духовные существа» все время здесь: они постоянно реют вокруг человека. Но они не могут ему открываться, если он не дает им такой возможности. А возможность такая дается лишь тем, что он формирует в себе способность воссоздавать в своей душе звуки, цвета и т. д. даже тогда, когда никакой материальный предмет не дает для этого повода.

«Духовные факты и существа» совершенно несхожи с предметами и существами материального мира. Вовсе нелегко подобрать на обычном языке выражение, которое могло бы хоть отчасти описать это различие. Возможно, мы подойдем к правде ближе всего, если скажем: в имагинативном мире все обращается к человеку так, словно являет собой непосредственную разумность, между тем как в мире материальном даже разумность может обнаружиться лишь косвенно, через материальную телесность. В том-то и заключаются свобода и динамизм имагинативного мира, что отсутствует посредующий орган внешних вещей, что духовное полностью и непосредственно проявляется в свободно парящих звуках, цветах и т. д.

Так что опасность, угрожающая человеку со стороны этого мира, заключается в том, что он воспринимает проявления «духовных существ», но не самих этих существ. И происходит это, до тех пор пока он остается в имагинативном мире и не поднимается в еще более высокий. Только инспирация и интуиция постепенно подводят его к самим этим существам. Но если бы тайноучитель пожелал с излишней поспешностью пробудить эти существа, не введя основательно ученика в имагинативную область, тогда бы высший мир обрел лишь призрачное и схематичное бытие. Поблекло бы все великолепие полноты образов, в каких должен раскрываться этот мир, когда ты в него действительно вступаешь. В этом причина, почему посвящаемый в тайное учение нуждается в «руководителе», или «гуру», как называют такого руководителя в тайной науке.

В самом деле, поначалу имагинативный мир для ученика — это лишь «мир образов», про которые он нередко даже не знает, что именно они выражают. Тайноучителю же известно, с какими предметами и существами соотносятся эти образы в еще более высоком мире. Если ученик испытывает к нему доверие, он может знать, что позже ему откроются те связи вещей, которых он пока не видит. В материальном мире такими вождями были

сами пространственные предметы. Человек мог проверять правильность своих представлений. Телесная действительность — это «скала», о которую должны разбиваться любые галлюцинации и иллюзии. Но эта скала проваливается в бездну, когда ты вступаешь в имажинативный мир. И потому в качестве другой такой «скалы» должен явиться «руководитель». По тому, что он может предложить ученику, тот должен ощутить действительность нового мира. На этом основании можно заключить, как велико доверие к руководителю во всяком посвящении в тайное учение, действительно заслуживающему этого названия. Стоит только перестать верить руководителю, в высшем мире это все равно, что в материальном мире внезапно отнять у человека все, на чем он построил веру в действительность своих восприятий.

Кроме этого факта существует еще один, вследствие которого человек мог бы впасть в полную растерянность, пожелай он без руководителя попасть в имажинативный мир. Из всех духовных существ посвящаемый в тайное учение знакомится, прежде всего, именно с *самим собой*. В телесной своей жизни человек обладает чувствами, влечениями, желаниями, страстями, представлениями и т. д. Хотя все они вызываются вещами и существами внешнего мира, он знает совершенно определенно, что они составляют его внутренний мир и отличает их, то есть то, что происходит в его душе, от предметов внешнего мира. Но стоит пробудиться имажинативному чувству, и этой легкости различения как не бывало. Его собственные чувства, представления, страсти и т. д. буквально выступают из него наружу, облекаясь в образ, цвет и звук. И теперь они предстанут ему точно также, как в материальном мире — совершенно чуждые предметы и существа. Так что вполне можно понять степень смятения, в которое он оказывается погружен, если вспомнить, что говорилось в главе «О некоторых последствиях посвящения» в книге «Как достигнуть познания высших миров?». Там как раз описывается не что иное, как имажинативный мир, каким он представляется наблюдателю. Ведь все в нем видится перевернутым, словно отразившимся в зеркале. То, что человек изливает из себя, представляется словно вознамерившимся приблизиться к нему извне. Желание, которое он в себе вынашивает, превращается в некий образ, например в фантастическое животное или, скажем, человекоподобное существо. Кажется, что оно нападает, бросается на тебя или еще побуждает сделать то или другое. Так может случиться, что человек видит, как его окружает, как со всех сторон вокруг него парит совершенно фантастический, нередко чарующий и соблазнительный, но зачастую страшный мир. В действительности же этот мир не что иное, как его собственные мысли, желания и страсти, обернувшиеся образами. Было бы большой ошибкой полагать, что легко отличить это разложившееся в образы «я» от действительного духовного мира. Вначале ученик просто не способен осуществить такое различение на деле. Ибо один и тот же образ может в равной степени исходить как от обращающегося к человеку духовного существа, так и от чего-то внутри собственной души. И стоит только человеку здесь поспешить, он подвергнется опасности никогда не научиться как следует отличать одно от другого. Здесь рекомендуется величайшая осторожность. Смятение еще усиливается вследствие того, что собственные душевные желания и влечения облекаются в образы, носящие совершенно противоположный характер по отношению к тому, чем они являются в действительности. Предположим, например, что таким вот образом облеклось в образ *тищеславие*. Оно может явиться в виде очаровательнейшего персонажа, который обещает самые чудесные вещи — если только ты исполнишь то, что он предлагает. Эти его предложения представляются внешне вполне благими и заслуживающими того, чтобы к ним стремились; но следование им заставит тебя пасть как нравственно, так и в прочих отношениях. И напротив, благое качество души может предстать в непривлекательном обличье. Лишь настоящий знаток в состоянии отличить здесь одно от другого, и только такая личность, которую невозможно сбить с толку относительно надлежащих целей, может оказаться устойчивым к соблазнам собственных душевных образов. Приняв все это во внимание, можно понять, насколько

необходимо руководство учителя, который, проявив безошибочное чутье, укажет ученику на то, что в этой области иллюзия, а что — правда. Но не надо думать, что этот учитель всегда должен быть рядом с учеником. Для посвящаемого в тайное учение дело совсем даже не в том, чтобы всегда быть вместе с учителем пространственно. Конечно, бывают моменты, когда такая пространственная близость желательна, и такие, когда она совершенно необходима. Но, с другой стороны, тайноучитель всегда найдет средства сохранить связь с учеником — даже при отдаленности в пространстве. Кроме того, надо принять в соображение и то, что многое свершающееся в этой области между учителем и учеником, когда они рядом друг с другом, нередко может продолжать свое действие на протяжении месяцев и даже лет. Впрочем, существует одна вещь, неминуемо разрывающая необходимую связь между учителем и учеником. Это происходит тогда, когда ученик теряет доверие к учителю. Особенно плохо, когда эта доверительная связь разрушается прежде чем ученик научился различать от реальной действительности отражения собственной души.

Быть может, кто-то скажет: что же, раз такая тесная связь с учителем необходима, значит, посвящаемый утрачивает всякую свободу и самостоятельность. Он, так сказать, полностью отдается в руки учителю. Однако в действительности-то это как раз не так. Впрочем, что касается зависимости от учителя, в различных методиках оккультного обучения имеются различия. Эта зависимость может быть большей или меньшей. Сравнительно наибольшей она оказывается в случае методики, которой держались оккультисты Востока и которая, как характерная именно для них, преподается ими еще и теперь. Куда меньшей оказывается эта зависимость от человека уже в так называемом христианском посвящении. И, наконец, она по сути совершенно упраздняется в случае того пути познания, который начиная с XIV в. был намечен так называемыми тайными школами розенкрейцеров. Впрочем, сам учитель здесь не упразднен, так как это невозможно. Но любая зависимость от учителя действительно прекращается. Вопрос о том, как это возможно, прояснится из дальнейшего изложения. Будет подробно описано, чем различаются эти три «пути познания»: *восточный, христианский и розенкрейцерский*. Так, в последнем не видно ничего, что могло бы как-то нарушить ощущение свободы современного человека. В дальнейшем будет также показано, как еще и теперь в современной Европе тот или иной человек может, ступив на путь посвящения, отправиться не путем розенкрейцеров, а восточным или прежним христианским, хотя розенкрейцерский — наиболее естественный в наше время. Он, как мы это еще увидим, вовсе не является нехристианским. Им может идти человек, не угрожая своему христианству; и им может идти человек, считающий себя стоящим всецело на высоте современного научного мирозерцания.

Возможно, в пояснении нуждается еще что-то. Может быть, кого-то одолевает искушение спросить: а нет ли у посвящаемого в тайное учение возможности избежать прохождения через обманы собственной души? Случись так, он никогда бы не достиг столь желательного для него самостоятельного различения. Ибо ничто не в состоянии сделать более наглядным все это своеобразие импинативного мира, нежели созерцание собственной души. Ведь изначально человек знает внутреннюю жизнь своей души лишь с одной стороны: он в ней заключен. Этому-то как раз и должен научиться посвящаемый: рассматривать вещи не только со стороны, но и наблюдать их так, как если бы он находился в них. И, когда собственный мир идей встает перед ним как нечто постороннее, тем самым он узнает вещь, которая ему уже известна с одной стороны, также с других ее сторон. Он сам до некоторой степени должен стать для себя первым примером такого познания. Ведь материальный мир приучил его к совершенно иному. Здесь он видит все остальные вещи исключительно со стороны, себя же переживает лишь изнутри. Оставаясь в материальном мире, он никогда не может заглянуть за поверхность вещей. И он не может никогда выйти из самого себя, выскочить, так сказать, «из своей собственной кожи»,

чтобы наблюдать *себя* извне. Это-то в буквальном смысле слова и предстоит ему прежде всего в тайной науке, а уже затем с помощью этого он научится также заглядывать и вглубь внешних существ и фактов.

Инспирация

При описании *имагинации* выяснилось, что благодаря ей тайный ученик покидает почву внешних чувственных переживаний. В еще более высокой степени это имеет место в *инспирации*. При инспирации в основе представления лежит еще менее того, что можно назвать *внешним побуждением*. Здесь человек должен в себе самом отыскать способность, которая сделает возможным для него составлять о чем-либо представления. Ему следует быть внутренне деятельным в гораздо более высокой степени, чем это имеет место при внешнем познании, когда он отдается внешним впечатлениям и они вызывают в нем представления. При инспирации *такой* самоотдачи больше нет. Глаза больше не доставляют вам цветов, уши — звуков и т. д. Все содержание представления должно быть в известной степени создано через собственную деятельность, то есть посредством чисто духовно-душевных процессов. И в том, что человек таким образом создал при помощи собственной внутренней деятельности, должно напечатлеться откровение высшего реального мира. На первый взгляд может показаться, что такое описание высшего мира познания страдает своеобразным противоречием. Человек должен сделаться в некотором роде творцом своих представлений; и однако эти представления, само собой разумеется, не могут быть его творениями, но через них должны самовыражаться явления высшего мира — совершенно так же, как явления низшего мира самовыражаются в восприятиях глаз, ушей и т. д. Но это одно из противоречий, которые *должны* иметь место в описании этого рода познания. Ибо в этом как раз и заключается то, что должен обрести на пути к инспирации посвящаемый: путем внутренней деятельности он совершает то, к чему в обыкновенной жизни понуждается извне. Почему в обычной жизни представления не протекают произвольно? Потому что в своих представлениях человек должен соотносываться с внешними предметами. Произволу «Я» места нет, так как предметы говорят: мы вот такие или вот такие. Предметы говорят здесь, как их следует представлять, и «Я» здесь ничего не определяет. Так что тот, кто не желает соотносываться с предметами, вынесет неверные представления; и уже скоро он убедится, как мало вследствие этого может управляться с миром. Такое необходимое обращение человека с вещами внешнего мира можно обозначить в познании как «самозабвенное» («selbstlos»). Человек должен вести себя «самозабвенно» по отношению к вещам. И в этой самозабвенности внешний мир является его учителем. Он отбирает у него все иллюзии, все фантастические вымыслы, все нелогичные суждения, все беспочвенное, просто поскольку предлагает чувствам истинный образ.

Если человек хочет подготовиться к инспирации, он должен настолько развить себя внутренне, чтобы эта самозабвенность стала свойственной ему даже тогда, когда ничто его не принуждает к ней извне. Он должен научиться внутренне *творить*, однако так, чтобы его «Я» ни в малейшей степени не играло в этом творчестве какой-либо самовластной роли. Затруднения, с которыми приходится столкнуться ради достижения такой отрешенности от себя, выявляются тем яснее, чем лучше мы примем во внимание, какие душевные энергии имеют преобладающее значение при инспирации. Различают три базовых силы душевной жизни: представление, ощущение и воля. При обыкновенном чувственном познании представления вызываются внешними предметами. И через эти вызванные извне представления определенные направления придаются также и ощущению с волей. Например, человек видит предмет; этот предмет доставляет ему *удовольствие*; вследствие этого он желает данную вещь. *Удовольствие* обитает в ощущении; оно возбуждает волю подобно тому, как на нем самом свой отпечаток оставило представление. Но изначальная основа представлений, ощущений и волений — это внешний предмет.

Возьмем другой случай: человек переживает какое-то событие. Оно внушает ему страх. Он убегает с места события. Здесь первопричиной тоже являются внешние события; через чувства они доходят до восприятия, становятся представлением; возникает чувство страха, и воля, проявляющаяся в бегстве, — это следствие. При инспирации внешний предмет в такой форме отсутствует. Для восприятия во внешних чувствах нужды нет. Не могут они быть и застрельщиками представлений. Точно нет никакого влияния с их стороны и на ощущение с волей. Но как раз оба последних и оказываются тем, из чего, как из материнского лона, при инспирации внутри поднимаются, словно бы прорастая, представления. И если материнская почва здорова, вырастут истинные представления; если же нет, появятся ошибки и призраки.

Как нет сомнения, что инспирация, возникающая на основе здорового чувства и здоровой воли, может быть откровением высшего мира, несомненно и то, что из необузданных чувства и воли возникают заблуждения, иллюзии и бредни относительно высшего мира.

Поэтому тайная наука посвящения ставит своей целью указать человеку средства, которые дадут ему возможность сделать свои чувства и волевые импульсы здоровыми и плодотворными для инспирации. Как и во всех прочих областях тайного учения, речь здесь идет об *интимном* упорядочивании и формировании душевной жизни. Прежде всего необходимо усвоить известные чувства, очень мало знакомые человеку в обычной жизни. Укажем некоторые из этих чувств. Самые важные — это повышенная чувствительность в отношении «истинного» и «ложного», «правильного» и «неправильного». Конечно, подобные чувства есть и у обыкновенного человека. Но у посвящаемого в тайное учение они должны быть сформированы *гораздо* лучше. Допустим, кто-нибудь делает логическую ошибку; другой видит эту ошибку и исправляет ее. Следует в полной мере уразуметь, насколько велика при таком исправлении роль рассудочного суждения и насколько слабо чувство *удовольствия* в случае правильного решения и *неудовольствия* — при неверном. Кстати, это вовсе не означает, что такое удовольствие и соответственно неудовольствие вовсе не имеют места. Но *степень* их присутствия в обычной жизни следует усилить до бесконечности в тайном посвящении. Посвящаемый должен систематически и последовательно направлять внимание на свою душевную жизнь; и он должен добиться, чтобы логически неверное становилось для него источником *боли*, несколько не уступающей боли физической; и, наоборот, «правильное» должно доставлять ему реальные радость и удовольствие. Так что там, где любой другой прибегает лишь к своему рассудку, к своей способности суждения, посвящаемый должен учиться переживать всю палитру чувств — от боли до восхищения, от напряженного страдания до восторженной умиротворенности в связи с обладанием истиной. В самом деле, он должен научиться испытывать нечто вроде ненависти к тому, что переживается «нормальным» человеком исключительно в качестве холодно-трезвого «неверного»; он должен развить в себе такую *любовь* к истине, которая носит совершенно личный характер — столь же личный и горячий, как чувство любящего к возлюбленной. Конечно, также и в кругах нашей «образованной» публики часто приходится слышать о «любви к истине»; однако то, что при этом подразумевается, не идет ни в какое сравнение с тем, что должен проделать в этом направлении посвящаемый в тайное учение человек в ходе спокойной внутренней душевной работы. Он должен терпеливо вновь и вновь представлять себе на пробу то или иное «истинное», то или иное «ложное» и всецело этому отдаваться, причем не только для тренировки способности суждения, которая трезво *различает* «истинное» от «ложного», но он должен обрести ко всему этому всецело личное отношение. Совершенно справедливо, что в начале такого обучения человек способен впасть в то, что можно назвать «сверхчувствительностью». Неверное суждение, которое он слышит в своем окружении, непоследовательность и т. д. могут причинить ему прямо-таки невыносимую боль. И поэтому при обучении он должен принять это во внимание. Не сделай он этого,

душевное равновесие ученика во всяком случае подвергнется большим испытаниям. Но, если озаботиться тем, чтобы характер оставался твердым, пускай себе разыгрываются бури в душевной жизни, человеку достанет сил оставаться в гармонизированных отношениях — что касается его внешнего вида и поведения — с внешним миром. И в любом случае посвящаемый в тайное учение делает ошибку, вступая в противоречие с внешним миром — вплоть до того, чтобы счесть его невыносимым или пожелать вовсе бежать из него. Высшему миру чувств не следует развиваться за счет планомерной деятельности и труда во внешнем мире; поэтому внутреннему возвышению жизни чувств должно отвечать укрепление силы сопротивления в отношении внешних впечатлений. И потому практика тайного обучения предписывает никогда не предпринимать вышеназванных упражнений по тренировке чувств, одновременно не развиваясь в направлении понимания предъявляемых человеку жизнью требований по части терпимости. Человек должен быть способным *одновременно* ощущать живейшую боль, когда кто-нибудь, к примеру, выдает неверное суждение, и быть в состоянии оставаться полностью терпимым к тому же человеку, ибо столь же живой будет в душе и та мысль, что этот человек и *должен* так полагать и с его суждением надо считаться, как с *фактом*. Во всяком случае, правда то, что во внутреннем своем мире тайноведа все в большей и большей степени ведет двойную жизнь. В его душе в ходе паломничества по жизни будут разыгрываться все более богатые события; все более самостоятельным по отношению к тому, что дает мир внешний, будет становиться второй мир. Но эта двойная жизнь окажется как раз таки плодотворной для реальной жизненной практики. Благодаря ей возникает находчивость суждений и точность решений. Там, где человеку, далекому от такого рода школы, приходится пройти длинной цепью логических умозаключений, колеблясь между решением и нерешительностью, тайноведа мгновенно охватит взглядом жизненную ситуацию, быстро откроет скрытые от обыкновенного взора связи и т. д. И нередко ему требуется немало терпения, чтобы углубиться в ту медлительность, с какой может что-либо понять другой человек, между тем как сам он приходит к такому пониманию с лету.

До сих пор говорилось лишь о тех свойствах, которые должна обрести жизнь чувств, чтобы инспирация могла наступить надлежащим образом. Другой вопрос таков: как стать плодотворными чувствам, так чтобы они породили из себя действительные представления, принадлежащие к миру инспирации? Кто хочет узнать, какой ответ на этот вопрос дает тайная наука, должен познакомиться с тем фактом, что душевная жизнь человека всегда заключает известное богатство чувств, которые выходят за пределы вызываемого *чувственными* восприятиями. Человек чувствует, так сказать, больше, чем его к тому принуждают вещи. Только в обычной жизни этот излишек расходуется в одном направлении, а тайное учение поможет это поменять. Возьмем, к примеру, испуг и чувство страха. Нетрудно видеть, что во многих случаях страх или испуг бывают сильнее, чем следовало бы, соответствуй они вполне данному внешнему событию. Теперь представим себе: посвящаемый деятельно работает над собой, чтобы ни в одном из происходящих с ним случаев не испытать более сильного страха или испуга, нежели то действительно оправданно внешними событиями. Известная доля страха или испуга всегда возникает в результате затраты душевной энергии. Фактически эта душевная энергия утрачивается как раз потому, что рождаются страх или испуг. Посвящаемый на деле сберегает эту душевную энергию, когда отказывается от испуга, страха и прочего. И она остается в его распоряжении для чего-нибудь другого. Если он часто повторяет такую процедуру, эти постоянно сберегаемые душевные энергии складываются во внутреннее богатство и уже скоро посвящаемый увидит, что из таких сбережений чувств у него вырастают зародыши представлений, выражающих откровения высшей жизни. Это невозможно «доказать» в обычном смысле слова; можно дать лишь указания посвящаемому в тайное учение: делай то или это, и если он это выполнит, то убедится, что это приносит несомненные результаты.

Невнимательному взгляду вышеизложенное легко может показаться противоречием: мол, с одной стороны, требуется *обогащение* мира чувств, потому что следует вызвать чувства удовольствия, боли и т. д. там, где обычно пробуждается одно только рассудочное суждение; с другой же стороны, говорится как раз таки о *сбережении* чувств. Это противоречие тут же исчезнет, стоит принять во внимание, что сбережение должно иметь место при таких чувствах, которые вызываются внешними факторами. И то, что в данном случае сберегается, является как раз обогащением в смысле духовных переживаний. И безусловно верно, что чувства, сбереженные таким образом на мире внешних чувственных восприятий, не только высвобождаются для другой области, но и оказываются в этой области *творческими*. Они дают материал для представлений, в которых открывается духовный мир.

Конечно, мы не продвинемся далеко, если ограничимся лишь *такими сбережениями*, как только что указанные. Для более крупных достижений необходимо большее. Надо напитать душу гораздо большим богатством порождающей чувства энергии, нежели то возможно на *этом* пути. Например, в виде испытания необходимо подвергать себя известным внешним впечатлениям и затем совершенно отказать себе во всех тех чувствах, которые возникают в так называемом «нормальном» состоянии. Например, нужно сосредоточиться на каком-нибудь событии, «нормально» возбуждающем душу, и совершенно запретить себе это возбуждение. Это можно делать и так, чтобы фактически поставить себя лицом к лицу с таким событием или воспользоваться одним только представлением. Последнее даже лучше для плодотворного тайного посвящения. Потому что ведь, когда ученик посвящается в *имагинацию*, то есть или прежде подготовки к инспирации, или одновременно с ней, он по сути должен быть способным имажинативно представить своей душе какое-нибудь событие с той же живостью, как если бы оно действительно происходило здесь. Если в ходе продолжительной внутренней работы ученик постоянно, снова и снова дает на себя влиять вещам и событиям и в то же время запрещает себе иметь соответствующие «нормальные» чувства, в его душе создается плодородная почва для инспирации. Отметим по ходу, что тот, кто описывает подобную *тренировку в инспирации*, вполне оценит то, что с точки зрения современного образования такому описанию можно предъявить немало претензий. И кто-то здесь может не просто выдвигать такие или сякие возражения, а улыбнуться с видом превосходства и сказать: «И все же инспирацию невозможно методически воспитать; это — *природный дар гения*». Да, конечно, с точки зрения этого светского образования может показаться в высшей степени потешным, когда так много говорят о выработке того, о чем это образование не желает даже знать; но светское это образование не понимает, как мало способно само оно продумать свои собственные мысли до конца. Потребуй мы от приверженца этого образования, чтобы он поверил в то, что какое-нибудь высшее животное не развилось постепенно, а появилось «внезапно», мы услышали бы в ответ, что образованный в современном смысле человек не верит в такое «чудо» и все это — суеверие. Однако в том, что касается душевной жизни, такой современный образованный человек вполне в стиле собственных взглядов пребывает в плену грубейшего суеверия. А именно он не желает задуматься о том, что более совершенная душа тоже должна была развиваться, что она не могла появиться внезапно, как природный дар. Правда, постороннему взгляду может представиться, что многие гении рождаются как бы «из ничего», необъяснимым образом; однако так кажется только материалистическому суеверию; тайновед знает, что гениальное предрасположение, которое появляется у человека в данной жизни как бы «из ничего», есть просто следствие его воспитания в инспирации в одной из прежних земных жизней. Материалистическое суеверие скверно в теоретической области; но еще гораздо хуже оно в такой практической области, как упомянутая здесь. Полагая, что гении так и будут всегда «падать с неба», оно не заботится о всякой там «оккультной чепухе» и подобной «фантастической мистике», толкующих о подготовке к инспирации. Тем самым суеверие

материалистов перекрывает путь истинному прогрессу человечества. Оно не заботится о развитии способностей, дремлющих в людях.

Зачастую как раз те, кто называет себя передовыми и свободномыслящими людьми, в действительности являются врагами истинного продвижения вперед. Но это, как сказано выше, только побочное замечание, необходимое для понимания отношения тайной науки к современному образованию.

Нет сомнения в том, что душевные энергии, которые, словно в кладовке, накапливаются во внутреннем мире ученика благодаря указанному самоотказу от «нормальных» чувств, превратились бы в инспирации и без какой-либо помощи со стороны. И посвящаемый переживал бы, как в его душе возникают истинные представления, являющиеся отображением переживаний в высших мирах. Все бы началось с простейших переживаний сверхчувствительных явлений, а уже затем, если бы ученик продолжал внутренне жить в указанном направлении и дальше, стало бы заявлять о себе более сложное и более высокое. Впрочем, на деле такое тайное посвящение было бы сегодня совершенно непрактичным, и потому оно и не проводится нигде, где к делу подходят серьезно. А именно, если бы ученик пожелал, следуя этим путем, развить «исключительно из самого себя» все, что может дать инспирация, он, несомненно, добился бы того, что из него «выпрямилось» бы *все*, о чем здесь говорилось, скажем о существовании человека, о жизни человека после смерти, о развитии рода человеческого и планетах и т. д. Но такому ученику понадобилось бы на это бесконечно долгое время. Это все равно, как если бы, например, кто-то захотел бы выпрямить из себя всю геометрию, не обращая внимания на то, что уже сделали в этой области люди до него. Конечно «теоретически» такого рода вещи вполне возможны. Но сущей глупостью было бы осуществлять их на практике. Вот и в тайной науке никто так не поступает, но дают учителю возможность сообщить вам то, что добыли для человечества инспирированные предшественники. И теперь эта традиция должна заложить основу для собственной инспирации. То, что предлагается нынче из области тайной науки в соответствующей литературе, в лекциях и т. д., безусловно, может дать такую основу для инспирации. Например, можно назвать учение о разных базовых частях человека (физическое тело, эфирное тело, астральное тело и т. д.), сведения о жизни после смерти до нового воплощения; далее, к примеру, все, что напечатано под заглавием «Из Хроники Акаши». Как раз в отношении инспирации надо, безусловно, исходить из того, что она необходима для нахождения и самостоятельного переживания высших истин, но не для их понимания. И прежде всего без инспирации нельзя открыть того, что сообщается под заглавием «Из Хроники Акаши». Но, получив такое сообщение, его можно понять посредством самого обычного логического суждения. Никто не должен утверждать: там сообщаются вещи, которые без инспирации невозможно логически понять. Их находят непонятными не оттого, что лишены инспирации, а лишь потому, что не желают достаточно вдуматься. При знакомстве с подобными истинами они пробуждают в душе инспирацию собственной энергетикой. Приобщаясь к такой инспирации, нужно лишь стараться воспринимать эти познания не сухо и рассудочно, но дать полету идей перенести тебя во всевозможные чувственные переживания. Да и мыслимо ли быть к тому неспособным! Может ли оставаться глухим чувство, когда перед душевным взором проходят такие грандиозные события, как развитие Земли из Луны, Сатурна и Солнца, или когда заглядываешь в бесконечные глубины человеческой природы благодаря познанию его эфирного, астрального тел и т. д.? Так и хочется сказать: скверно же тому, кто способен пережить подобные идейные конструкты, сохраняя трезвость! Ибо переживи он их не в трезвении, а испытай он в связи с ними всевозможные напряжения и разрядки своих чувств, переживи он все подъемы и кризисы, все успехи и падения, все катастрофы и обетования — вот тогда-то в нем и подготовилась бы плодородная почва для инспирации. И уж во всяком случае действительно необходимая жизнь чувств, связанных с

известиями из высшего мира, может развиваться лишь тогда, когда исполняешь упражнения вроде вышеуказанных. Тому, кто все без остатка силы своих чувств расходует на мир внешних чувственных восприятий, повествования из высшего мира будут казаться «сухими понятиями», «безжизненными теориями». Он никогда не сможет понять, почему у другого становится тепло на сердце, когда он слышит сообщения тайной науки, между тем как сам он «хранит в своем сердце хлад». Он молвит даже: «Все это пища лишь для рассудка, все это голый интеллектуализм; а мне бы хотелось чего-нибудь для души». Но он так и не выскажет себе, что причина того, что его сердце остается холодным, в нем самом.

Многие все еще недооценивают мощь того, что уже сокрыто в этих сообщениях из высшего мира. И в связи с этим переоценивают всевозможные иные упражнения и процедуры. Они говорят: «Что пользы в том, что другие расскажут мне о высших мирах; мне хочется видеть их самому». Большею частью таким людей не хватает лишь терпения вновь и вновь углубляться в подобные повести о высших мирах. Сделай они это, они бы увидели, какой воспламеняющей силой обладают эти «всего лишь рассказы» и как на самом деле пробуждается собственная инспирация, когда слышишь об инспирациях других. Конечно, если ученик желает быстрого успеха в переживании высших миров, к этому «изучению» следует присоединить еще и другие упражнения; но никто не должен недооценивать колоссального значения как раз таки «изучения». И во всяком случае никому не следует питать надежду, что посредством каких бы то ни было упражнений он стремительно овладеет высшими мирами, если одновременно он не пойдет на то, чтобы неустанно углубляться в исходящие из авторитетного источника *сообщения* чисто повествовательного характера о событиях и существах высших миров. Благодаря тому что в настоящее время такие сообщения делаются в литературе и в лекциях, а также даются и первые указания насчет упражнений, ведущих к познанию высших миров (например, в качестве первых таких указаний можно сослаться на изложения в книге «Как достигнуть познания высших миров?»), теперь можно узнать кое-что из того, что прежде сообщалось только в надежно закрытых от внешнего мира тайных школах. Как уже неоднократно упоминалось, предание этих сведений гласности вытекает из обстоятельств нашего времени и должно было свершиться. Но необходимо вновь и вновь подчеркивать: хоть это и создает послабления в отношении обретения тайного знания, однако надежного водительства опытного тайноучителя вполне заменить еще нельзя.

Познание через инспирацию ведет человека к переживанию *процессов* в невидимых мирах, например развития человека, развития Земли и ее планетарных воплощений. Но если рассматривать в этих высших мирах не просто процессы, но самих *существ*, в качестве разновидности познания должна выступить *интуиция*. То, что благодаря таким существам происходит, познается в образах через имагинацию; то же с точки зрения законов и отношений — через инспирацию; но если ты хочешь обратиться к самим существам, требуется интуиция. Как инспирация включается в мир имагинаций, как она пронизывает их подобно «духовной музыке» и благодаря этому становится средством выражения для существ, познаваемых через интуицию, — об этом еще будет сказано. Тогда же подвергнется рассмотрению и сама интуиция. Здесь нужно лишь указать еще на то, что «интуиция», как она понимается в тайной науке, не имеет ничего общего с тем, для чего теперь зачастую широко употребляет слово «интуиция» народ. В последнем случае интуицией называют более или менее сомнительное «озарение» в противоположность ясному, последовательно приобретенному познанию рассудка или разума. В тайной науке «интуиция» не есть что-то неясное и ненадежное, но высокий род познания, исполненный самой просветленной ясности и самой несомненной достоверности.

Инспирация и интуиция

Как имагинацию можно назвать духовным *зрением*, так инспирацию — духовным *слухом*. Впрочем, употребляя выражение «слух», следует себе уяснить, что здесь идет речь

о восприятии, которое еще в большей степени отличается от чувственного слуха в физическом мире, чем «созерцание» в имажинативном (астральном) мире — от зрения физическими глазами. О световых и цветовых явлениях имажинативного мира можно сказать: они таковы, как будто освещенные поверхности и цвета чувственных вещей с ними расстались и свободно, отдельно от них витают в пространстве. Но это дает все же только приблизительное представление. Ибо пространство имажинативного мира ни в каком случае не походит на пространство материального мира. Если, наблюдая свободно парящие световые хлопья с обычным пространственным протяжением, вы будете думать, что перед вами имажинативные цветовые образы, вы заблуждаетесь. И все же образование таких цветовых представлений — это путь к имажинативной жизни. Кто пытается вообразить цветок, а после в представлении отвлекается от всего, что не есть цветочное представление, так что перед его душой парит образ, словно отделенная от цветка цветочная поверхность, тот *постепенно* сможет *достигнуть* имажинации через такие упражнения. Сам данный образ — это еще не имажинация, но более или менее подготовительная картина воображения. Имажинация, то есть действительное астральное переживание, наступит только тогда, когда не только цвет будет совершенно отвлечен от чувственного впечатления, но когда еще и напрочь пропадет трехмерное пространственное протяжение. То, что так и произошло, может быть воспринято только посредством определенного чувства. Описать это чувство можно лишь так: это все равно как ощущать себя пребывающим уже не вне, но *внутри* красочного образа, так что возникает сознание того, что участвуешь в его возникновении. Если этого чувства нет, если ты полагаешь, что вещь находится перед тобой как чувственный цветочный образ, ты еще не имеешь дела с настоящей имажинацией, но с чем-то воображаемым. Это, однако, не означает, что подобные картины воображения лишены всякого значения. Они могут быть как раз эфирными отпечатками, как бы тенями реальных астральных фактов. И в таком качестве они имеют определенную ценность при обучении тайной науке. Они могут служить мостом к подлинным астральным (имажинативным) переживаниям. Их наблюдение сопряжено с известной опасностью лишь в том случае, если в этой пограничной области между чувственным и сверхчувственным наблюдатель не в полной мере применяет свой здравый ум. Не надо только надеяться, что кому-то можно было бы указать *общий* признак, как ему отличать в этой пограничной области иллюзию, галлюцинацию, фантастику от действительности. Такое общее правило было бы удобно. Но удобство — это слово, которое тайный ученик должен исключить из словаря. Можно лишь сказать, что тот, кто желал бы приобрести для этой области ясность различения, должен позаботиться об этом уже в обыкновенной жизни материального мира. Кто в этой обыкновенной жизни не прилагает никакого труда к тому, чтобы мыслить ясно и отчетливо, станет жертвой всевозможных иллюзий при восхождении в высшие миры. Только подумайте о том, сколько разных западней готовит здравому суждению эта обыкновенная жизнь. Как же часто случается, что вместо того, чтобы ясно увидеть то, что есть, люди видят то, что им видеть хочется. Как часто люди приходят к некоему мнению не потому, что это познали, но потому, что им приятно так думать. Или какие ошибки возникают, оттого что люди поспешно судят о предмете, досконально его не исследовав. Все эти причины заблуждений в обыкновенной жизни можно умножать еще и еще — до бесконечности. Какие шутки играют над здравым суждением страсть, необъективность и т. д., и т. п. И если ошибочные суждения такого рода оказываются помехами, нередко роковыми, в обыкновенной жизни, то от них исходит величайших размеров опасность для здравости сверхчувственного переживания. Посвящаемый в тайное учение может взять с собой в высшие миры в качестве путеводной нити не общее правило, но исключительно лишь указание делать все возможное для своей здоровой способности различать, для своего свободного, независимого суждения.

Стоит только наблюдателю высших миров узнать, что такое действительная

имагинация, и уже очень скоро он ощутит, что образы астрального мира — это не *просто* образы, но откровения духовных существ. Он научится понимать, что должен связывать эти имажинативные образы с духовными или душевными существами точно так же, как соотносит чувственные цвета с вещами и существами чувственного мира. Впрочем, что до частностей, здесь ему придется еще многому научиться. Ему нужно будет различать непрозрачные цветовые формы от вполне прозрачных, как бы всецело пронизанных светом изнутри. Мало того, он будет воспринимать еще и такие формы, которые словно бы постоянно производят изнутри себя окрашенный свет и, следовательно, не только насквозь просветлены и прозрачны, но непрерывно излучаются в самих себя. И менее прозрачные образования он соотнесет с низшими существами, прозрачные — со средними, а лучащиеся образы будут для него откровениями высших духовных существ.

Кто хочет постичь истину имажинативного мира, не должен слишком узко понимать духовное созерцание. Потому что в этом мире находятся не одни лишь световые или цветовые восприятия, дающие таким образом возможность сравнивать их со зрительными переживаниями физического мира, но и впечатления тепла и холода, вкуса и запаха, а также и другие переживания имажинативных «чувств», которые просто не с чем сравнить в материальном мире. Впечатления тепла и холода являются в имажинативном (астральном) мире откровениями воли и намерений душевных и духовных существ. Если такое существо вознамерилось что-то совершить, будь то доброе или дурное, это обнаруживается в определенном воздействии тепла или холода. Астральных существ можно ощущать также на «вкус» и по «запаху». В реальном имажинативном мире *почти* напрочь отсутствует только то, что по сути является материальной составляющей звука и шума. В этом отношении там царит беззвучная тишина. Зато тому, кто делает успехи в духовном обучении, является нечто совершенно другое, что сравнимо со звуком и звоном, с музыкой и речью чувственного мира. И это высшее появляется как раз тогда, когда совершенно замолкают всякое звучание и шум внешнего физического мира, мало того, когда умолк даже самый малейший внутренний, душевный отголосок этой области внешнего мира. Тогда для наблюдателя наступает то, что можно назвать *пониманием значения* имажинативных переживаний. Если пожелать сравнить то, что испытываешь здесь, с чем-либо в материальном мире, для пояснения можно привлечь только нечто такое, чего совершенно не существует в этом мире. Попробуйте себе представить, что можете воспринимать мысли и чувства человека, *не слыша* его слов телесным ухом; подобное восприятие можно сравнить с тем непосредственным пониманием имажинативного, которое называется «слухом» в духовном смысле. «Говорящими» здесь оказываются световые и цветовые впечатления. В загорании и потухании, в превращениях присущих образам цветов обнаруживаются гармонии и дисгармонии, раскрывающие чувства, представления и мысли душевных и духовных существ. И как у материального человека звук, когда на нем запечатлевается мысль, восходит до слова, так же точно гармонии и дисгармонии духовного мира восходят до откровений, которые сами являются реальными идеями. Впрочем, чтобы мыслям открыться в их непосредственности, необходимо, чтобы в этом мире «стемнело». Наступающее здесь переживание выглядит следующим образом: ты видишь, как светлые оттенки, красный, желтый и оранжевый, угасают, и воспринимаешь, как темнеет высший мир, проходя через зеленый до синего и фиолетового; в себе ты при этом переживаешь возрастание внутренней волевой энергии. Испытываешь полную свободу в том, что касается места и времени, ощущаешь себя в движении. Наблюдаются некоторые линейные формы, некоторые образы. Однако их воспринимаешь не так, словно они нарисованы перед тобой где-то в пространстве, а так, будто в непрерывном движении сам, собственным своим «Я» следуешь за каждым колебанием линии, за каждым изменением фигуры. Именно что ощущаешь свое «Я» и рисовальщиком, и в то же время материалом, которым рисуют. И всякое проведение линии, каждая смена места — это в то же самое время и переживание этого «Я». Ты

познаешь, что со своим подвижным «Я» вплетен в творческие мировые энергии. Мировые законы являются теперь для «Я» уже не чем-то воспринимаемым внешне, но настоящей чудной тканью, которую оно ткёт. Тайная наука прибегает к всевозможным символическим рисункам и образам. Если это не измышленные фигуры, если они действительно соответствуют фактам, в основе их лежат переживания наблюдателя в высших мирах, которые можно наблюдать вышеописанным образом.

Так мир инспирированный включается в мир имагинативный. Когда имагинации начинают открывать наблюдателю свои значения в «безмолвной речи», тогда-то *внутри* имагинативного мира и раскрывается мир инспирации.

Материальный мир — это откровение того мира, в который таким вот образом проникает духовный наблюдатель. То, что из этого материального мира доступно чувствам и ориентированному на них рассудку, есть только внешняя сторона. Возьмем лишь один пример: растение, как оно наблюдается телесными чувствами и материальным рассудком, не есть полное существо растения. Кто знает только одно это материальное растение, пребывает в положении, сходном с положением существа, которое было бы способно воспринимать нготь человека, между тем как восприятие самого человека было бы ему недоступно. Но строение и сущность ногтя можно понять только тогда, когда объясняешь их исходя из всего человеческого существа. Вот и растение становится действительно понятным лишь тогда, когда знаешь то, что к нему относится, как все человеческое существо относится к ногтю человека. Однако это имеющее отношение к растению не отыщешь в материальном мире. Прежде всего в основе растения лежит нечто обнаруживающееся только через имагинацию в астральном мире, а далее — нечто, что открывает себя только через инспирацию в мире духовном. Итак, растение как материальное существо есть откровение сущности, которая постижима через имагинацию и инспирацию.

Как видно из сказанного, перед наблюдателем высших миров открывается путь, который начинается в материальном мире. Так что сперва он может отталкиваться от этого материального мира, а уже от его откровений восходить к лежащим в его основе высшим существам. Восходя из животного царства, он может подняться к имагинативному миру; если же он возьмет своей отправной точкой мир растительный, то духовное наблюдение приведет его через имагинацию в мир инспирации. Дело в том, что, следуя таким путем, уже вскоре ты обнаруживаешь внутри имагинативного и инспиративного мира также таких существ и такие факты, которые вовсе не обнаруживают себя в материальном мире. Следовательно, не надо полагать, что на этом пути ты знакомишься лишь с такими существами высших миров, чьи откровения имеют место в материальном мире. Кто однажды вступил в имагинативный мир, тот познакомится с множеством существ и событий, о которых и не грезил простой наблюдатель материального мира.

Впрочем, существует и другой путь. Это путь, начинающийся не в материальном мире; путь, делающий человека непосредственно ясновидящим в высших областях бытия. Очень многим этот путь мог бы показаться более притягательным, нежели описанный выше. И все же в условиях нашей жизни следует избирать только восхождение из материального мира. От наблюдателя оно требует самоотречения, которое необходимо, раз он должен сначала осмотреться в материальном мире и собрать в этом материальном мире некоторые познания, прежде всего опыт. Но для современных культурных условий этот путь, во всяком случае, самый подходящий. Другой путь предполагает предварительное приобретение душевных качеств, что очень трудно реализовать в условиях современной жизни. Хотя в книгах по этой теме такие душевные качества и выделяются постоянно со всей заостренностью и отчетливостью, однако большинство людей не имеет сколько-нибудь достаточного представления о той степени, в какой должны быть приобретены эти качества (например, самоотреченность, самоотверженная любовь и т. д.), если для достижения высших миров хочешь отталкиваться не от прочной почвы материального

мира. Так что, если кто-нибудь вдруг очнется в высших мирах, не достигнув требуемой степени соответственных душевных свойств, следствием этого будет немислимое бедствие. Но не следует исходить из того, что, начиная пусть с материального мира и его опытов, можно обойтись без означенных душевных качеств. Думать так тоже было бы ошибкой, влекущей за собой тяжкие последствия. Но такая исходная точка позволяет приобрести эти душевные качества в той мере и прежде всего в той форме, в какой это возможно в наших современных жизненных условиях. Вот еще что обращает на себя внимание. Если кто указанным образом отталкивается от материального мира, то он продолжает поддерживать живую связь с материальным миром, несмотря на свое восхождение в высшие миры. Он сохраняет полное понимание всего, что происходит в этом мире, и всю свою энергию для деятельности в нем. Более того, это понимание, эта энергия самым благоприятным образом наращиваются именно благодаря познанию высших миров. Во всякой области жизни, какой бы прозаично-практической она ни казалась, знающий высшие миры будет действовать с большей отдачей и лучше незнающего, если только сохранил живую связь с материальным миром.

Но, если кто вдруг очнется в высших областях бытия, не отталкиваясь от материального мира, тот, без сомнения, может слишком с большой легкостью оторваться от жизни; он становится затворником, который без всякого понимания и участия противостоит окружающему его миру. Мало того, те, кто не добился совершенства в своем развитии в данном смысле (к достигшим совершенства это ни в каком случае не относится), нередко свысока, с пренебрежением взирают на переживания в материальном мире, кажутся себе слишком значительными для таких переживаний и т. д. Вместо того чтобы увеличивать свою причастность к миру, такие люди становятся черствыми, себялюбивыми в духовном смысле. Соблазны здесь поистине немалы. И те, кто стремится взойти в высшие миры, особенно должны обращать внимание на это. От инспирации духовный наблюдатель может подняться к *интуиции*. В словоупотреблении тайной науки это выражение во многих отношениях означает полную противоположность тому, в каком его часто употребляют в обыкновенной жизни. Здесь говорят об интуиции, когда имеют в виду внезапно возникшую неотчетливую мысль, которую ощущают как истинную, но которой еще недостает ясного понятийного обоснования. В ней, скорее, видят предварительную ступень познания, нежели само познание. Согласно этому пониманию, такого рода «озарение» может высветить великую истину словно молнией; но познавательную ценность она получит лишь тогда, когда будет обоснована понятийными суждениями. Иногда интуицией еще называют нечто такое, что «ощущают» как правду, в чем вполне убеждены, не желая, однако, отягощать все это рассудочными суждениями. Люди, до которых доходят знания из сферы тайной науки, нередко говорят: «Интуитивно это было ясно мне всегда». От всего этого надо совершенно отказаться, если брать выражение «интуиция» в его истинном значении, которое здесь подразумевается. В таком словоупотреблении интуиция — это не познание, которое уступает по ясности познанию рассудочному, но, напротив, далеко его превосходит.

В инспирации переживания высших миров обнаруживают свой смысл. Наблюдатель живет среди свойств и действий существ этих миров. Когда он, как было описано выше, следует своим «Я» за прочерчиванием линии или за образом, ему все же известно, что он пребывает не в пределах самого существа, а лишь в рамках его свойств и функций. Уже в имажинативном познании он изведывает переживание того, что ощущает себя, к примеру, не вне, но внутри красочных образов; но ему точно так же доподлинно известно, что эти красочные образы суть не самостоятельные существа, но свойства таких существ. В инспирации он осознает, что воссоединяется с действиями таких существ, с откровениями их воли; и только в интуиции он сливается с ними замкнутыми в самих себе. Это может произойти надлежащим образом лишь тогда, когда такое слияние не связано с угасанием и утратой своего собственного существа, но происходит при полном его сохранении. Всякое

полное «растворение» в другом существе — зло. Поэтому только такое «Я», которое в значительной степени укреплено в себе, может без вреда погружаться в чужое существо. Интуитивно постигнуть что-либо возможно лишь тогда, когда достигнешь в отношении данного «нечто» ощущения: в нем проявляется существо того же рода и той же внутренней цельности, как и мое собственное «Я». Кто наблюдает камень, пользуясь внешними чувствами, и старается постигнуть его в его особенностях рассудком (и обычными вспомогательными научными средствами), тот познает лишь внешнюю сторону камня. В качестве духовного наблюдателя он продвигается дальше, к познанию имажинативному и инспиративному. Живя в последнем, он может прийти еще и к следующему восприятию. Прибегая к сравнению, это восприятие можно охарактеризовать следующим образом. Представьте себе, что видите на улице прохожего. Сначала он производит на наблюдателя только мимолетное впечатление. Позже вы знакомитесь с ним ближе; наконец наступает момент, когда вы настолько подружились с ним, что душа сливается с душой. С переживанием, которое изведываешь, когда оболочки душ отпадают и «Я» оказывается наедине с «Я», можно сравнить то, когда камень является духовному наблюдателю исключительно как внешнее откровение, но тот переходит к чему-то, чему камень принадлежит, как принадлежит ноготь человеческому телу, и что самовыражается как «Я» подобно твоему собственному «Я».

Лишь в интуиции человек достигает того рода познания, которое вводит его «внутрь» существ. При обсуждении инспирации было кое-что сказано о том превращении, которое должен испытать внутренний строй души духовного наблюдателя, если он хочет достигнуть этой формы познания. Было, например, сказано, что неверное суждение должно обращаться не только к рассудку, но и к чувству, должно причинять боль и страдание. И наблюдатель должен систематически вырабатывать такое внутреннее переживание. Но пока эта боль вытекает из симпатий и антипатий «Я», из его пристрастий, до тех пор не может быть и речи о достаточной подготовке к инспирации. *Такая* чувствительность души еще очень и очень далека от того внутреннего участия, какое «Я» должно принимать в чистой истине как таковой, если хочет достигнуть указанной цели. Следует подчеркнуть еще и еще раз, что, в сущности говоря, все формы заинтересованности, проявляющиеся в обыкновенной жизни как удовольствие и страдание в отношении истины и заблуждения, должны сначала умолкнуть, и лишь затем должен появиться совершенно иной, лишенный всякого эгоизма интерес, если только мы желаем придвинуться к познанию через инспирацию. И вот это-то свойство внутренней душевной жизни есть всего лишь одно из средств для подготовки к инспирации. Существует бесконечное количество других, которые должны присоединиться к этому первому. И чем больше духовный наблюдатель утончает себя в отношении к тому, что уже послужило ему для инспирации, тем больше сможет он приблизиться к интуиции. Правомерные указания, даваемые тайной наукой в отношении интуиции, будут изложены в дальнейших статьях.

К ПУБЛИКАЦИЯМ ЛЕКЦИЙ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА

Все лекции Рудольфа Штайнера — за исключением некоторых специальных курсов в рамках Свободной Высшей школы духовной науки при Гётеануме — с 1924 г. стали общедоступны. В марте 1925 г. он пишет по этому поводу в автобиографии:

«Итог моей антропософской деятельности представлен двумя видами изданий: это, во-первых, мои книги, опубликованные и всем доступные; во-вторых, целый ряд курсов, которые сначала предназначались для частного издания и должны были продаваться только членам Теософского (позже Антропософского) общества. Это были более или менее удачные записи моих лекций, которые из-за отсутствия времени не могли быть мной исправлены. Я хотел, чтобы устно произнесенное слово оставалось бы только устно произнесенным словом. Но члены Общества хотели частных выпусков этих курсов, и это привело к их изданию. Если бы у меня было время на проверку, то с самого начала не было

бы необходимости ставить на них пометку «Только для членов Общества».

...На этих лекциях присутствовали только члены Общества. Они были знакомы с основами антропософских знаний, поэтому к ним можно было обращаться как к уже продвинутым в области антропософии. Весь образ этих закрытых лекций был таким, каким не могли обладать письменные сочинения, предназначенные для открытой публикации.

В закрытом кругу я мог говорить о вещах иначе, чем должен был бы о них говорить, будь они с самого начала предназначены для открытой печати.

Нигде и ни в малейшей степени не было сказано ничего такого, что в чистом виде не представлялось бы результатом развития антропософии....

Читающий эти частные публикации может принимать их в самом полном смысле слова за то, что должно быть сказано антропософией. Поэтому можно было без колебаний отступить от прежнего обычая распространять эти издания только в кругу членов Общества.

Однако приходится допускать, что в непрочитанных мною записях возможны ошибки.

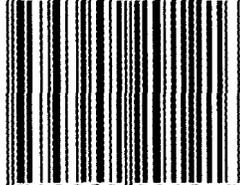
Но право на суждение о содержании подобной частной публикации может быть отдано, конечно, только тому, кто признает исходные посылки, необходимые для такой оценки. Такими посылками для большей части этих лекций является, по крайней мере, антропософское познание человека и Космоса, ибо в антропософии представлено существо человека, а также знание того, что в сообщениях из духовного мира дается как «антропософская история».

Первоначально Рудольф Штайнер часто применял в своих лекциях слова «теософия» и «теософский» для определения основанной им в начале XX века антропософски ориентированной духовной науки. Позже в соответствующих случаях он начал употреблять такие понятия, как «духовная наука» или «антропософия», «духовнонаучный» или «антропософский». По его указанию эти позднейшие обозначения введены в большинство последующих изданий его лекций. Такие же (или соответствующие им по смыслу) понятия и определения используются и в переводе этих лекций на русский язык.

Рудольф Штайнер Ступени высшего познания

Переводчик Маханьков И. И. *Корректор* Горбатова Е. Б.

Оформление и компьютерная верстка Терещенко М. С.

9 785902 291213

ЛР 040591 от 15.04.98 Издательство «Новалис», г. Москва телефон (495) 236 51 39

Формат 60x90/16. Усл.-печ. л. 4. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 1735.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА». 610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

2008 НОВАЛИС МОСКВА

ББК 86.391 Ш87

Штайнер Р. Ступени высшего познания/пер. с немецкого Игоря Маханькова.

М.:Новалис, 2008.-64с. ISBN 978-5-902291-21-3 (рус.) ISBN 3-7274-1150-3 (нем.)

Данная книга предлагает читателю том 12м из полного собрания сочинений (Gesamt Ausgabe, Rudolf Steiner Verlag, Dornach Schweiz) основателя антропософии Рудольфа Штайнера. Исходное понятие антропософии, или духовной науки, изложено в основополагающих трудах Р. Штайнера: «Философия свободы», «Теософия», «Очерк тайноведения», «Как достигнуть познания высших миров?». В брошюре, являющейся непосредственным продолжением книги «Как достигнуть

познания высших миров?», Рудольф Штайнер на основе духовного опыта поясняет и толкует ступени познания, следующие за обычной материальной ступенью: имагинацию, инспирацию и интуицию (соответствующие образной, понятийной и самопознавательной стадиям человеческого познания).

ISBN 978-5-902291-21-3 © Издательство «Новалис», 2008